

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Л. М. Ившин (*Ижевск*)

Об "Азбуке" 1867 года Н. Блинова

С самого начала XIX века деятели христианской церкви, которые с целью распространения своего влияния на почти неграмотное нерусское население, не владевшее не то, что старославянским, но и русским языком, приступили к переводу клерикальной литературы, изданию богослужебных книг и созданию учебников (азбук) на самых различных языках Урало-Поволжья, в том числе и на удмуртском. Некоторые исследователи пишут об этом следующее: "...большинство финно-угорских и самодийских народов в России, а некоторые народы и за ее пределами (саамы), были объектом миссионерской деятельности: изучение языка инородцев в России связано с желанием распространения христианства, хотя усилиями отдельных интузиастов (как русских, так и носителей языка) нередко преследовались и просветительские цели, для достижения которых создавались небольшие словарики и учебные пособия" [Кузнецова 2000: 97].

Первые азбуки на удмуртском языке, на глазовском и сарапульском наречиях/диалектах, вместе с переводами Евангелий, как известно, были изданы 1847 году в Казани. Надо сказать, их переводы на удмуртский язык были выполнены еще в 1819–1823 годы [Шутов 1997: 216], но отдельными книгами были изданы почти четверть века спустя. Эти труды являются уникальными памятниками ранней удмуртской письменности, содержащими большой удмуртский текстовый материал и дающими какое-либо представление о грамматическом строе удмуртского языка более чем двухвековой давности. В настоящее время вышеотмеченные переводные Евангелия и азбуки стали библиографической редкостью, поэтому в 2003 году они были переизданы репринтным способом Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в серии "Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие" [Перв. печ. кн. Гл. 2003; Перв. печ. кн. Сар. 2003].

Деятелем христианской церкви, а также писателем, ученым и педагогом был Николай Николаевич Блинов (1839–1917). После окончания в 1860 году Вятской духовной семинарии он работал священником в с. Карсовой Глазовского уезда. В 1867 году издал удмуртскую азбуку по "звуковому методу", опробовав ее в созданной им национальной школе. Полное название его азбуки "Лыдзонь. Азбука для вотских дѣтей". Опубликована она в г. Вятка, в типографии Губернского правления в 1867 году. Объем книги небольшой – всего 24 страницы, но она намного отличается от азбук, изданных в 1847 году. Отличие заключается в

следующем: 1) в алфавите азбуки Н. Блинова отсутствует латинская буква g; 2) все слова в рассматриваемой азбуке написаны гражданскими буквами (в азбуках 1847 года издания применены как гражданские, так и церковные буквы); 3) в азбуке, изданной в 1867 году, отсутствуют спряжение, склонение и временные формы удмуртских глаголов; 4) удмуртские слова из азбуки Н. Блинова не имеют ударений и др.

На с. 2 написано: Дозволено цензурою. Москва 14-го августа 1865 года. С третьей страницы начинается сама азбука. Сначала для учеников для ознакомления представлены гласные буквы, далее согласные в сочетании с гласными, слова и целые предложения. На страницах 9 и 10 дается 3 коротеньких удмуртских текста, которые переведены на русский язык на страницах 21–22. На страницах 13–14 напечатаны молитвы. Материал представлен следующим образом: страница разделена на 2 вертикальные колонки; с левой стороны даются молитвы на русском языке, с правой – их удмуртские переводы. На странице 15 в четыре столбца даются количественные числительные (от одного до тысячи): в первом представлены русские числительные, во втором – их удмуртские эквиваленты, в третьем и четвертом написаны цифры (арабские и римские соответственно). На странице 16 расположена таблица умножения. На страницах 17–21 в алфавитном порядке помещено около 350 удмуртских слов, встречающихся в азбуке (существительные, прилагательные, глаголы), с переводом на русский язык. У многозначных лексем приводятся 2 или даже 3 русских эквивалента, поскольку "... нерѣдко одно слово вотское имѣеть нѣсколько русскихъ значеній, и иногда, въ разныхъ мѣстностяхъ различныхъ" [Блинов 1867: 24], например, *кутъ* [kui] 'лови, муха, лапоть' (18). На страницах 22–24 приводятся рекомендации для преподавателей.

Из **графических особенностей** азбуки наибольший интерес представляют следующие:

1. Алфавит представлен 35 графемами, из которых 31 полностью совпадает с нынешним начертанием удмуртских букв, а 4 (i, ъ, е и v) заимствованы из старославянского языка. Следует отметить, что составитель азбуки правильно отмечает, что "звукѡвъ, соотвѣтствующихъ звукамъ Щ. Ф. Х. нѣтъ въ вотскомъ языкѣ" (цитируется по: [Блинов 1867: 24]). Буква й (j), встречающаяся в азбуке как в русских, так и удмуртских лексемах, почему-то не включена автором в алфавите: *дуно* [duno] 'дорогой' (18), *юай* [juaj] 'спрашивалъ' (21).

2. Аффрикатy традиционно обозначаются или сочетанием букв (дж – *ѡѣ* (ѡ), дз – *ѡѣ* (ѡ)): *джукъ* [ʒuk] 'каша', *джитъ* [ʒit] 'вечеръ', *джекъ* [ʒek] 'стол'; *дзэкъ* [ʒek] 'рожь', *дзечъ* [ʒeč] 'здравствуй' (18) или одним знаком (ч – *č* (č), ц, ч – ч (č)): *лучкасъ* [lučkaš] 'воръ' (19), *чукна* [čukna] 'утромъ' (21); *мунци* [munčo] 'баня', *поци* [poči] 'маль', *лудкечь* [lutkeč] 'заяць', *немычь* [nemič] 'индѣйка' (19), *цидасько* [čidaško] 'терплю', *чечи* [čečič] 'медъ' (21).

3. Неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема *ö* (*e*) в большинстве случаев передается сочетанием *ъэ* (когда стоит после твердого согласного), в нескольких словах, как в памятниках конца XVIII – первой половины XIX века, одной буквой э: *зъэкъ* [zɛk] ‘большой’ (18), *къэй* [kɛj] ‘сало’, *къэтъ* [kɛt] ‘брюхо’, *кэня* [kɛnʲa] ‘многоли’, *тъэсь* [pɛsʲ] ‘жарко’ (19), *тъэри* [tɛri] ‘гнѣдой’ (20).

4. Для обозначения мягкости велярных фонем *д, з, л, н, с, т* (*d, z, l, n, s, t*) перед гласной фонемой *и* (*i*) (графически *и* или *і*, в современной удмуртской литературной графике функционально соответствует ему буква *й*) используется сочетание *ьи* или *ѝи*: *интъиэзъ* [inijɛz] ‘мѣсто’ (13), *съи* [si] ‘слава’, *съиласкомъ* [silaskom] ‘величаемъ’ (14), *съиль* [silʲ] ‘мясо’, *тъи* [ti] ‘вы’ (20).

Орфография азбуки весьма прозрачна и последовательна. Как и в памятниках удмуртской письменности конца XVIII – первой половины XIX века, в конце слова после твердых согласных, а также в середине слова – перед падежным окончанием или другими морфемами, вторым компонентом сложного слова употреблена буква *ь* (ер): *гуръ* [gur] ‘печь’, *зоръ* [zor] ‘дождь’ (18), *лulъ* [lul] ‘душа’, *лыдзонъ* [lidzon] ‘читальник’, *муртъ* [murt] ‘человѣкъ’ (19); *лудъесынъ* [ludjosin] ‘на лугахъ’, *калыкълы* [kalɨklɨ] ‘людямъ’ (13) *селькъесъ-месъ* [sɛlɨkɨsɛs] ‘грѣхи наши’, *лulъиосмезъ* [luljosmes] ‘души наши’, *милэмьесъ* [milɛmes] ‘насъ’ (14) и др. (об употреблении *ь* для обозначения твердости определенных согласных перед *и* см. выше).

В остальном отличительные особенности орфографии азбуки Н. Блинова от современной литературной заключаются, на наш взгляд, в следующем:

1) употреблению букв и их сочетаний, которые в настоящее время отмечаются иными знаками (*дж* > совр. *ѝс*, *дз* > совр. *зэ*, *ьи* > совр. *йи*) – примеры см. выше в разделе “Графические особенности” пункты 2 и 4;

2) точной фиксации диалектных особенностей, не характерных для современного удмуртского литературного языка: *милэмьесъ* [milɛmes] ‘насъ’ (14) – удм. лит. *милемыз* ~ *милемды*; *кикокукы* [kikokukɨ] ‘кукушка (точнее кукушка – Л. И.)’ (18) – удм. лит. *кыкы*; *тага* [taga] ‘барашекъ’ (20) – удм. лит. *така* и др.;

3) в иных правилах употребления дефиса: *пудо-но* [pudo no] ‘и скотъ’ (8), *возь-вьльесынъ* [vozʲ vɨljɔsin] ‘на лугахъ’ (9), *тыль-поттонъ* [tɨlʲ potton] ‘спички’, *эзъ-джуалэ* [ɛzʲ žuale] ‘не загорались’ (10) (в настоящее время все слова пишутся раздельно); *ерь берзе* [jɨrberze] ‘(свой) затылокъ’ (10) (в современной орфографии пишется слитно).

Диалектная основа азбуки Н. Блинова определена местом работы и проживания автора – Глазовский уезд Вятской губернии, на территории которого распространен севернoudмуртский диалект удмуртского языка.

Следовательно, в языке азбуки можно заметить фонетические, частично морфологические и лексические черты, характерные для этой структурно-территориальной единицы:

а) сохранение корневого гласного *ы* (*i*) перед палатальным согласным (южн. *ы* < *и*): *пызьесь* [*pižēs*] ‘мучной’ (9), *мызь* [*miž*] ‘икра’ (12), *бызе* [*biže*] ‘бъжить’ (17);

б) в анлауте перед гласной *а* (*a*) встречается билабиальный *ў* (*u*): *уань* [*uan*] ‘есть’ (8), *уазьно* [*uazono*] ‘говорю (возможно, следовало перевести как ‘надо говорить’ – Л. И.)’ (9);

в) в позиции между инициальным согласным *к* (*k*) и последующим *а* (*a*) или *и* (*i*) употребляется согласный *в* (*v*): *кватъ* [*kvat*] ‘шесть’, *квинь* [*kviñ*] ‘три’ (15). Два последних явления одновременно встречаются в нижнечепецких говорах северного наречия и некоторых срединных говорах [Тепляшина 1970: 163];

г) выпадение гласного *у* (*u*) в анлауте: *робо* [*robo*] ‘тѣлега’ (6);

д) стяжение форм глаголов возвратного залога: *мецко* [*mecko*] ‘(я) намѣреваюсь’ (8) ~ южн. *медісько* [*mediško*]; *кыльце* [*kylcke*] ‘слушает’ (18) ~ южн. *кылзіське* [*kylziške*]; *шонерцкодъ* [*šonerckod*] ‘оправдаться (точнее – оправдаешься – Л. И.)’ (21) ~ южн. *шонертіськод* [*šonertiskod*] и др.

е) характерная для северноудмуртского диалекта лексика: *аймы* [*ajmi*] ‘(наш) отец’, *лекос* [*lekos*] ‘слишком’, *ичи* [*iči*] ‘мало’ (7), *каль* [*kal*] ‘нынѣ’ (8), *панаесъ* [*parajos*] ‘птицы’ (9), *зъэкъ* [*zək*] ‘большой’ (10), *пускаръ* [*puskar*] ‘гнѣздо’ (12), *акы* [*akı*] ‘тетка’, *бубо* [*bubo*] ‘тятя’ (17), *нюня* [*niñna*] ‘дядя’ (19) и др.

Большой интерес вызывает приведенное в конце книги “Прибавление для преподавателей”, которое представляет из себя рекомендации или, точнее сказать, методические указания для учителей. Н. Блинов пишет, что “всѣ, до настоящего времени изданные, русскіе буквари, не могутъ представить ни какихъ облегченій при обученіи чтенію инородцевъ” (здесь и далее цитаты приводятся по [Блинов 1867: 22]), потому что при первоначальном обучении чтению “всякій учитель держится того правила, чтобъ ученику какъ можно менѣ приводилось произносить сочетания буквъ безъ значенія чего либо изъ окружающаго мира”. Он отмечает, что “обученіе инородцевъ” необходимо начинать на их наречии, т. е. читать первоначально и слова, и фразы на языке инородцев, в данном случае удмуртов, а потом уже “постепенно переходить къ русскимъ словамъ, фразамъ и т. д.”. Далее немаловажное внимание Н. Блинов уделяет и другим нюансам обучения инородцев: 1) обучение чтению вотских детей нужно начинать при помощи подвижных букв; 2) чтение “буквъ, фразъ и прочаго” обязательно должно сопровождаться письмом “вначалѣ по печатному” на досках; 3) вначале необходимо изучить правильное произношение гласных звуков, и только после этого перейти к согласным; 4) в последующих упражнении учитель

объясняет деление слов на слоги; 5) к чтению русских слов надо приступить только после того, когда ученики будут легко читать слова, фразы и статьи на своём родном языке; 6) постоянно нужно обращать внимание учащихся на ударения в русских словах и т. д.

По всему вышеизложенному можно сделать следующие выводы: 1) во второй половине XIX века деятели христианской церкви продолжают работу по созданию и изданию азбук и пособий для обучения нерусских народов русскому языку; 2) графика и орфография рассмотренной азбуки мало чем отличается системы письма изданных ранее книг на удмуртском языке; 3) в азбуке Н. Блинова впервые помещены методические указания для преподавателя, проверенные на практике самим автором.

Сокращения

удм. лит. – удмуртский литературный язык, *южн.* – южноудмуртский диалект удмуртского языка.

Список литературы

Блинов, Н. Лыдзонь. Азбука для вотских дѣтей / Н. Блинов. – Вятка, 1867. – 24 с.

Кузнецова, А. И. Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? / А. И. Кузнецова // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7.–13. 8. 2000 Tartu, Pars I. Orationes plenariae & Orationes publicae.* – Tartu, 2000. – С. 93-108.

Перв. печ. кн. Гл. 2003 – Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / отв. ред. Л.Л. Карпова; авт. пред. и сост. Л. М. Ившин. – Ижевск, 2003. – 563 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие).

Перв. печ. кн. Сар. 2003 – Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова; предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 441 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие 4).

Тепляшина, Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия / Т. И. Тепляшина // *Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР.* – Вып. 21. Филология. – Ижевск, 1970. – С. 156-196.

Шутов, А. Ф. Первым удмуртским книгам – 150 лет / А. Ф. Шутов // *ЛУ* 1997. – С. 215-217.